

ИЗ ИСТОРИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ (1725-1745)

(Законодательство о поступлении на службу и его исполнение)

В настоящем очерке мы рассмотрим, как развивалось и испытывалось законодательство о поступлении на службу дворянских и офицерских детей в России в 1725-45 гг. Необходимо пояснить, почему мы остановились на данном периоде и на данной группе российского общества того времени — офицерах. Первое послепетровское двадцатилетие было одним из центральных периодов стократного существования российского государства, не сопровождавшегося ни реформами, ни внутренними волнениями, ни глобальными войнами. Этот период (который нередко называют "безвременником", "застоем", "темными годами") в действительности стал одним из важнейших в истории нашей страны. В это время "прошли проверку на прочность" результаты реформ Петра Великого. В первой половине 1720-х гг. и в России, и за рубежом, бывали мнения, что все созданное неизбежной энергией Петра I погибнет, как только смерть оборвёт жизненный путь великого реформатора. Многие обстоятельства, казавшиеся расплатаю за это, расстроенные государственные финансы, задавленные государственным контролем экономики и тарифов, династический кризис, недавленность строительства системы государственного управления, недовольство разгромленного населения и жестокое стесненное условиями похищенной службы дворянства, сложное междудворянское положение. Наследникам Петра пришлось решать эти проблемы и претворять в жизнь замыслы и цели, на которых выходили из многочисленных глиняков, в которые зашли петровские предприятия. Здесь изысканно капающимися аналогиями с нашим временем. Старое разрушено, и на смену, подчас — неумело, построено что-то новое, незнакомое и непонятное. Многие начато, и почти ничего не завершено. Вышли времена, когда, но мало кому он принес добро, зато у всех что-то разрушило. Жить в такое время тяжко, а управлять государством — задача, сложнее которой ярдя не можно — нибудь придумать. Именно таким временем были 1725-45 гг.

Гляну на это время вскользь, мы почти ничего не видим, кроме дворянских переворотов и череды сменивших друг друга временщиков. Громада предприятий петровского времени затянет сабли следующих царствований. Но посмотрим на 1725-45 гг., немного пристальнее. Потрясное время было временем хронического дефицита финансовых, который пытались покрыть, начиная с 1700-х годов, и новые пороны на население страны. От налогового гнета погибла русская торговля, выжив только то промышленное производство, которое поддерживало государство, сельское хозяйство пришло в упадок, голодный обйт зам, из-за невидимого бегства крестьян. После Петра налогом брачку поблагачевает, но при этом государственные финансы, хоть и не находятся в блестящем состоянии, а после каждого государинства в казне остается 2-4 млн. рублей... При Петре внешняя торговля России ничуть не отличалась от той, какой она была в XVIII веке: продавали продукты лесных громад, меха и пеньку и в мизерных количествах. В 1725-45 гг. на европейских рынках появляются, а затем и завоевывают их русское железо, обработанный лен, хлеб, соль, скобяные и деревянные товары. При Петре война была национальным делом, собиравшим, требовавшим колоссального напряжения син из каждого россиянина. С 1733 по 1745 гг. Россия постоянно воюет, побеждает, завоевывает субъекты, на которых Петр не имел покоя, — и эти события остаются как бы позиционированием жизни государства, идет своим чередом, и не все современники знают, что русская армия сражается в Польше, Крыму, Швеции. При Петре народное недовольство взрывалось бунтами, беспорядками, крестикано-казачьими войнами, которые первым императором буквально топили в крови. По сравнению с ужасами Преображенского призыва петровского времени дела

Главной канцелярии его преемников кажутся детской забавой...

Мы, конечно, не хотим сказать, что послепетровское время было "золотым веком" российского государства. Картина жизни того времени далека от идеальных. Были и бедность, и неустраенность, и злоупотребления власти имущих... Но значение периода 1725-45 гг. в другом. В это время то, что начал Петр, было завершено и "отложено". То, что было нововведением в начале века, к этому времени стало очевидностью, то, что казалось смелой мечтой, — реальность. Россия не повернула назад, не сломалась под величайшей тяжестью, возложенной на ее плечи Петром Великим. Она приняла преобразования и усилила уроки, сня вышла из жесткого кризиса и подготовилась к дальнейшему пути развития. Поэтому, послепетровское двадцатилетие застуживает пристальное внимание, и его изучение особенно важно в наши дни.

В горючесальной системе первой половины XVIII века армия занимала особое место. Она была не только инструментом ведения войны. Армия строила каналы, дороги, корабли, города и крепости, армия собирала налоги. Армия выполняла функции пограничника, армия осуществляла значительную часть местного управления. Исполнение этих задачложило в первую очередь на офицеров. Офицер XVIII века проводил в своем полку не более половины времени своей службы. Остальное время он исполнял чинно-очищенные задачи государственного управления. По сути дела, профессиональные гражданские чиновники управляли только центральными государственными учреждениями и инцидентной политикой. Все остальные государственные дела ложились на плечи офицеров армии. Таким образом, офицерство, причем — именно армейское (а не гвардии и флота), являлось важнейшей составной профессиональной группой того времени, без которой государство просто не могло существовать. Этим и объясняется наше внимание к офицерскому корпусу армии.

В заключение затянувшегося вступления отметим несколько моментов, которые надо иметь в виду, рассматривая предложеный вопрос. Пожизненная служба в армии была по определению российского дворянства (и также "иноземцев") — иностранцев, принявших российское подданство или служащих в России по контракту. Государство не рассматривало службу дворян в армии непременно как офицерскую — дворяне могли всю жизнь служить и нижним чином, а нижний чин — подданным — мог всю жизнь служить в офицерах (始于 пограничным дворянином, получившим первый офицерский чин). Привлечь, да, дающие государством дворянство, давались именно за обязанность пожизненной службы, и поэтому государство пристально следило за тем, чтобы дворяне исполняли свой долг. Поступление на службу было одним из важнейших моментов взаимоотношений государства и дворянства. Служба в армии была также долгом, от которого значительная часть дворянства пытаясь уклониться. Государство же усиленно препятствовало уклонению и постоянно работало над совершенствованием системы приема на службу, напоминая о том, чтобы с одной стороны, исключить возможность уклонения, с другой стороны, наиболееraudительно использовать дворянства из первых лет его службы.

В очерке мы рассматриваем, как поступали на службу дворяне, впоследствии ставшие офицерами. Надо иметь в виду, что при этом затрагивается не вся масса служившего дворянства (около половины служивших дворян все время оставалась нижними чинами или служила в гражданских учреждениях) и не вся масса офицерского корпуса (где офицеры, служившие в армии в рассматриваемое время происходили из не-привилегированных сословий).

В историографии существует сложившееся мнение, что подавляющее большинство офицеров — выходцев из дворян (в том числе — офицерские дети), в рассматриваемый период начинало службу нижними чинами гвардии. Это мнение было оперты высказано в статье Н. Глинцецкого "Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в Русской армии" и, со ссылкой или без ссылки на эту статью, повторяется в большинстве работ, так или иначе затрагивающих данный вопрос. Между тем, свое мнение Н. Глинцецкий базировал только на изучении законодательства, главным образом — ставшего, благодаря Н. Глинцецкому, знаменитым Указом Петра I от 1 января 1719 г.¹. Других источников автор не привлекал.

Сомнение в безупречности утверждений Н. Глинцецкого высказал автор раздела "Чинопроизводство по военному ведомству" коллектива труда "Столетие Военного министерства" А.В. Никифоров, который отмечал, что без "исследования статистики офицерского корпуса нельзя утверждать, что гвардия была основным поставщиком офицерских кадров для армии. По мнению А.В. Никифорова, "весомые многие сообщения говорят нам об известной замкнутости гвардии в большом различии между нею и армией, однако из черт которого надо назвать нежелание гвардейцев выходить из своих полков в поплавы и весьма мало числа известий о сменении таких выходов".

Впрочем, весьма остроожный в своих выводах А.В. Никифоров отмечал, что решение вопроса о том, исполнился ли Указ 1719 года, "ждет еще решения статистической". Мнение А.В. Никифорова литературой во внимание практически не принималось.

М.Д. Рабинович на материале анализа офицерских сказок показал постепенность выводов Н. Глинцецкого для петровского времени: подавляющее большинство офицеров, служивших в Русской армии в конце Северной войны, никогда не служил в гвардии². Однако, повторяя мнения Глинцецкого, он отмечал, что "даже... кадеты Сухопутного корпуса предпочитали вместо производства в офицеры армии быть назначеными при выпуске в унтер-офицеры гвардии"³. Упомянут Н. Глинцецкий и постоянное стремление к увеличению числа чинов в гвардии, объясняемое им желанием гвардейцев развить возможность карьерного роста внутри "армии и отыскать необходимость в связи с производством по старшинству переводиться в армию. Описал автор и инцидент 1732 г., когда президент Военного коллегии фельдмаршал граф Б.Х. фон Миних пыгтался упредить все специфические гвардейские офицерские чины и выпускать замещавших их гвардейцев в армию (с полагающимися повышением двумя рангами), но "встретил в том сильное противодействие, подвергнув наездами я... едва не лишился места"⁴ и вынужден был отказатьться от своего намерения.

Авторы истории гвардейских полков неоднократно писали, что "после 1735 гг. дополнение рекрутами стало быстро изматывать сюжетную пригоду, и уже к концу царствования императрицы Анны среди нижних чинов числилась едва третья гвардия из самых новых российских дворян"⁵. Отмечалось литературой, что Измайловский полк с самого своего основания комплектовался нижними чинами не из дворян⁶. Созданная в 1730-32 гг. Конная гвардия была укомплектована в нижних чинах дворянами не более чем на половину⁷ и до 1763-х гг. была крайне замкнутой воинской частью: выпускать из нее офицеров было некуда, так как армейская тяжелая конница была крайне небольшая и потребности в офицерах покрывала за счет собственных кадров. В результате Конная гвардия стала одним из самых "второранжевых" подразделений вооруженных сил: в 1754 г. 90% чинов этой части составляли пехотинцы⁸, не уточняя, что речь в данном случае идет о полках гвардии.

Весьма интересно подошло к проблеме гвардии

Л.Н. Семенова: этому вопросу посвящена глава "Двор и гвардия" в ее книге "Быт и население Санкт-Петербурга, XVIII век" (СПб., 1998). Отдавая дань историографической традиции и, видимо, не зная статьи М.Д. Рабиновича, Л.Н. Семенова повторяет идею Н. Глинцецкого: гвардия — весьма обтекаемой формой: "Участие во всех военных кампаниях Северной войны стало для новой "дворцовой пехоты" — петровской гвардии — подлинной школой общевойсковой подготовки офицеров. Дворяне обязаны были пройти эту школу редкими в гвардии, после чего получали офицерский чин и назначались в армейские полки"⁹. Но уточняет, были ли дворяне только обязаны служить в гвардии, или "действительно в ней служили, Л.Н. Семенова подробно останавливается на последующем времени, когда, по ее мнению, характер гвардии резко переменился и из элитной воинской части гвардия превратилась в разрозненную и пониженную "дворцовую стражу", которая охраняла не столько особы монархов, сколько собственные, вполне низменные, интересы. Приводя многочисленные сведения источников, в том числе — замечания мемуаристов об отвратительных качествах гвардии в 1725-1760-х гг., Л.Н. Семенова по-новому рас-

сматривает деятельность Э. Бирона, который был инициатором того, что с 1733 года гвардия стала пополняться нижними чинами из рекрут. По мнению Л.Н. Семеновой, гвардия не выполнила своей задачи — она не готовила офицеров и не выпускала их в армию. Разращающиеся условиями гвардейской службы, дворяне склонились к сибиритами: не ходили никого, кроме как спокойно продолжать небременительную гвардейскую службу. В связи с этим правительство стало сторонником записи дворянских недорослей в кадетский корпус и в армию, где они действительно занимались воинской службой, а гвардии решило пополнить рекрутами, чтобы постепенно занять ее место. Правда новая система пополнения не изменила характера гвардии — до екатерининского времени она оставалась своеобразной "преторианской когортой".

Здесь нужно установиться на ядре противоречий, звучавших в работах исследователей идей Н. Глинцецкого. Уже сам Н. Глинцецкий замечал, что "всобще из гвардии крайне неоднотично перечислялись в армию", и даже про странно описывал причины этого. Разбирая преимущества гвардейской службы, Н. Глинцецкий указывал, что "даже... кадеты Сухопутного корпуса предпочитали вместо производства в офицеры армии быть назначеными при выпуске из унтер-офицеров гвардии"¹⁰. Упомянут Н. Глинцецкий и постоянное стремление к увеличению числа чинов в гвардии, объясняемое им желанием гвардейцев развить возможность карьерного роста внутри "армии и отыскать необходимость в связи с производством по старшинству переводиться в армию. Описал автор и инцидент 1732 г., когда президент Военного коллегии фельдмаршал граф Б.Х. фон Миних пыгтался упредить все специфические гвардейские офицерские чины и выпускать замещавших их гвардейцев в армию (с полагающимися повышением двумя рангами), но "встретил в том сильное противодействие, подвергнув наездами я... едва не лишился места"¹¹ и вынужден был отказатьаться от своего намерения.

Авторы истории гвардейских полков неоднократно писали, что "после 1735 гг. дополнение рекрутами стало быстро изматывать сюжетную пригоду, и уже к концу царствования императрицы Анны среди нижних чинов числилась едва третья гвардия из самых новых российских дворян"¹². Отмечалось литературой, что Измайловский полк с самого своего основания комплектовался нижними чинами не из дворян¹³. Созданная в 1730-32 гг. Конная гвардия была укомплектована в нижних чинах дворянами не более чем на половину¹⁴ и до 1763-х гг. была крайне замкнутой воинской частью: выпускать из нее офицеров было некуда, так как армейская тяжелая конница была крайне небольшая и потребности в офицерах покрывала за счет собственных кадров. В результате Конная гвардия стала одним из самых "второранжевых" подразделений вооруженных сил: в 1754 г. 90% чинов этой части составляли пехотинцы¹⁵, не уточняя, что речь в данном случае идет о полках гвардии.

Относительно Преображенского и Семеновского полков (куда только могли поступать дворяне) литература отмечала, что в 1725-35 гг. эти полки постоянно созидались на пополнение штатом: комплектование гвардии изменилось в 1725-45 гг.

Эти другие подобные замечания многократно высказывались в литературе, однако авторы не подвергали их анализу и не делали напрашивавшееся: из нее погляд, выводы о весьма ограниченной возможности для дворян поступать солдатами в гвардию в 1725-45 гг.

Итак, мнение о том, что дворяне в основном начинали службу в гвардии, высказано на основании анализа законодательства и ставится под сомнение теми источниками, которые приводили для изучения этого вопроса дооценочные источники. При этом даже сторонники издаваемой когортой приводили в своих работах указания на факты, заставляющие усомниться в ее состоятельности.

Нужно отметить, что Н. Глинцецкий не самым основательным образом остановился и на исследовании замечаний мемуаристов об отвратительных качествах гвардии в 1725-1760-х гг. Л.Н. Семенова по-новому рас-

зачислении дворянских детей в военную службу этим указом отнюдь не исчерпывается.

Прежде всего рассмотрим сам указ 1 января 1719 г. Он не является первым законодательным актом, устанавливающим норму о зачислении дворянских недорослей в гвардию. Впервые это требование было установлено указом от 26 февраля 1714 г.²⁹, а затем подтверждено Уставом воинским 1716 г.³⁰. Однако до 1719 г. это требование жестко не соблюдалось даже на законодательном уровне: постоянно выходили установления, предусматривающие иные пути для зачисления дворян на службу³¹. Указ 1719 г. положил начало систематизации и упорядочению правил приема на службу дворянских недорослей. Этот указ именной, без указания, как ли он на исполнение в какое-то учреждение или в общем публикованию. Текст указа отрывочно и скрыт — он напоминает скорее конспект на память в записной книжке. Чем законодательный акт: Вот он:

"1. Чтоб никакого человека ни в какой офицерский чин не допускать из офицерских детей и дворян, которые не будут в солдатах в гвардии, выключая тех, которые из простых выходят в офицеры станут по полкам.

2. Чтоб чесов чин никого не жаловать, но порядком чину возводить.

3. Чтоб выбирать на ваканции баллотированием из двух и из трех кандидатов"³².

Как видим, указ ставит вопрос о непредопределенности. В нем нет никаких указаний, кому и как исполнять данные предписания. Знам импульсивный характер Петра I, можно предположить, что этот указ был дан им вдруг, без обдумывания, возможно — без четкого представления, как его надлежит исполнять. Подобных законодательных актов (которые скорее следовало бы называть декларациями о намерениях, доктринах, чем указами) Петр I издавал немало. Некоторые из них оказывались ножками-способными и впоследствии отменялись или забывались. Другие, исполнявшиеся, требовали дополнительной законодательной работы по уточнению и разъяснению. Так стало и с рассматриваемым указом. В уточнение пункта 2 при Петре было издано 4 законодательных акта, в уточнение пункта 3 — 6, в уточнение и развитие интересующего нас пункта 1 — не менее 10 актов при Петре и еще 14 актов в последующее двадцатилетие.

Развитие законодательства по данной теме было инспирировано Военной коллегией, которой, по сфере ее компетенции, надлежало заниматься определением недорослей в гвардию. 17 июля 1719 года коллегия обратилась к Петру с вопросными пунктами, как выполнить требования указа о недорослях³³. Коллегия отмечала, что по поводу учета дворянских детей, потому не знает, из чего исходить при зачислении их на службу — требовать ли списков из Сената "или еще откуда" или самой начинать работу по учету дворянской молодежи. Кроме того, коллегия не видела места, которое могли бы занять недоросли в гвардии, так как "полки то <...> стоят не учленены комплектом токмо за малым причем, а по силе из Контроли Правительствующего Сената присланной справки недорослей к службе годных обратятся ныне по спискам самое малое числом в 2000 <...> и для оных по статуту полков лейбгвардии вакантий на имела"³⁴. Ответы Петра на данные пункты неизвестны. По-видимому, ему было просто не до того, тем более, что в 1719-1729 гг. гвардия находилась в походе в Финляндии, а летние кампании проводились в активных боевых действиях у шведского побережья³⁵. Внимание Петра снова обратилось к делам дворянских недорослей только в 1721 г. — 7 марта Военная коллегия был дан пространный именной указ³⁶, в котором, помимо прочего, уточнялось, что записи в гвардию подлежат только детям "знатного" дворянства, пророски же надлежит определять нужными чинами в армии. Процедура учета недорослей и зачисления их на службу никак не отображалась.

Это не удивительно, если учесть, что в скромном времени Петра I приступил к громадной кадровой акции, гризинской учет всех офицеров, чинописков, служащих и неслужащих дворян и их детей. Акция включала учреждение специального государственного кадрового органа — Герольдмейстерской коллегии, учет офицеров армии

путем сбора сказок и несколько колossalных смотров чиновников и дворян, не служащих в полевых полках, а том числе — смотр недорослей. В многочисленных актах, регламентировавших порядок проведения последнего смотра, постепенно уточнялись и дополнялись установления 1719 и 1721 гг. Указом от 5 февраля 1722 г.³⁷ предписывалось отправлять способных недорослей "для науки в коллегии юнкерами". Указом от 7 марта того же года³⁸ был окончательно установлен порядок учета недорослей: училища либо определять годных к службе посредством смотров обязан Сенат, распределить в службу — Герольдмейстерская коллегия, которая должна была передавать Военной коллегии общий список, назначенный в пояснку службу. Перечисленных в этом списке недорослей Военная коллегия распределяла внутри сухопутных войск по своему усмотрению. При этом Герольдмейстерская коллегия предписывалось сначала отобрать из всех годных к службе наилучшие способные для открытия к граждансским делам, в военные школы и во флот, в всех оставшихся огласить в Военную коллегию для распределения в гвардию и армию. Ноэмы именных указов получили дальнейшую разработку в указах сенатских. В указе от 23 сентября 1723 г., распространявшем установленные правила зачисления недорослей в службу на детей оставшихся цехов, подтверждено: "занимаясь <...> знать в лейбгвардию, а прочих в армию..."³⁹. Это же почти слово в слове повторено в указах от 23 октября⁴⁰ и 2 декабря⁴¹ того же года.

Из общей, достаточно стойкой, системы актов о зачислении на службу дворянских недорослей выходит понимаемый С.М. Трошкиным непубликованный в ЛСЗ указ Петра I в Военную коллегию от 4 июня 1723 года, согласно которому Военная коллегия под страхом суда предписывалась никогда не записывать дворянских и "офицерских иноземцев" детей, кроме гвардии⁴². Чтобы понять, чем было вызвано появление этого указа, надо принять во внимание обстановку, в которой он давался. Май 1723 года Петра привели в Москву, занявший, в основном, делаики коронации своей супруги. Видимо, вследствие некоторой излишества, которые император позволил себе в ходе многочисленных коронационных торжеств, в конце мая он испытал обострение болезни и отправился для лечения на Угодские минеральны в воду. 4 июня Петр прибыл на место и приступил к лечению⁴³. И именно в этот день по какой-то причине агенты о дворянских недорослях и отдал сурою звучанием указ о зачислении их негременно в гвардию. Причины, побудившие Петра дать указ, нам неизвестны. Но отмечим при обстоятельствах: император, во-первых, был болен и утомлен дорогой, во-вторых, пряд ли основательно вникал в кусок дела о дворянских недорослях в течении как минимум 4-5 предыдущих недель, в третьих, находясь на водах, Петр навсегда был несколько оторван от текущих дел управления и не имел под рукой необходимой справочной информации. Первым обстоятельством мы склонны объяснить резкость указа — это единственны из известных нам актов о распределении недорослей на службу, где есть "узызы наказанием. Второе и третье обстоятельства позволяют, на наш взгляд, догаднуться, что Петр в тот момент не совсем хорошо помнил содержание всего комплекса уже изданных актов и принял мер по вспомоганию о недорослях. Поэтому сама предположить, что указ 4 июня 1723 года был дан Петром из-за какого-то прецедента и, как нередко делали император, второпях, без разбирательства вопроса. Поэтому данный указ не попал на дальнейшее законодательство о дворянских недорослях и, по видимому, впоследствии был забыт как несоответствующий общему направлению работы в данной области.

Военная коллегия в середине 1723 года приступила к распределению недорослей на службу и тут столкнулась с новой проблемой. Критерием для направления молодежи в гвардию была назначена "знатность", то есть под этим словом подразумевается законами, не уточнялось. В феврале 1724 года коллегия запросила Сенат, что считать знатностью: "Девяносто из родителей их родословия, а также ж титлы", либо наличие у родителей или самих недорослей более 100 дворов владения, либо

состояние родителей в генеральском чине по Табели о рангах⁴⁴. Сенат от ответа уклонился и предложил Военной коллегии обратиться непосредственно к императору⁴⁵. В ноябре вопрос о знатности был внесен заключительным (девятым) параграфом в вопросы пункты, поставленные коллегией Петру. При этом по инициативе нового президента коллегии фельдмаршала князя А.И. Репнина предложение считать знатность по "родословию и титлам" было исключено⁴⁶, и представленный государю вопросный пункт предлагал только два варианта решения вопроса о знатности — считать знатными владельцев более 100 дворов или штаб-офицерских (а не только генеральских, как ранее) детей. Ни этот пункт 11 ноября 1724 года Петр не наложил резолюцию: "Знатное дворянство по годности считать"⁴⁷. Эта резолюция, ставшая в искаженной транскрипции — "знатность по годности считать" — не менее знаменитой, чем указ от 1 января 1719 года, и проголосовавшая некоторыми авторами едва ли не основополагающим принципом союзной политики Петра I⁴⁸, никак не облегчила положения Военной коллегии. Император отверг предложенные ясные критерии и взамен предложил только слово "годность", столь же неясное, как и прежнее понятие "знатность". Коллегия сочла за благо не спрашивать у Петра толкования и этого термина и попыталась понять, что за ним скрывается, сама. Словами "годность", "годен", "не годен" в то время в своей деятельности активно пользовалась Герольдмейстерская коллегия, которая исполняла основную массу работ, связанных с проведением смотров. В декабре 1724 г. Военная коллегия оставшуюся загрязнила герольдом, "которые кондиции <...> за годность починаются"⁴⁹, и получила в ответ довольно гуманную отписку, из которой с наибольшей определенностью можно было заключить, что главными критериями определения годности к службе являются физическое здоровье и возраст (старше 16 лет), а в особых случаях — грамотность⁵⁰. При обсуждении этой отписки один из членов Военной коллегии подал мнение, в котором резонно замечал, что критерии, которыми руководствуется герольдия при определении годности, для определения знатности не подходят, так как "по сим кондициям которые в коллегию из Герольдмейстерской коллегии недоросли присыпаются все годные суть, занеже негодных в Его Императорского Величества службу не определяются"⁵¹. Однако если это мнение и было принято во внимание коллегией, то только в том, что коллегия отвергла использование в качестве признака годности знания грамоты. В январе 1725 года Военная коллегия утвердила инструкцию, какой надлежало впредь руководствоваться при определении "знатных" недорослей в гвардию⁵². По силе этой инструкции "годными" считались дети дворянские и офицерские "которые от роду 16 лет и более, росту изящного, сложению тихого, лицом пригожи, вид имеют бодрый и по докторскому исследованию в добром телесном здравии пребывают"⁵³. В конце дослалась сювочка, что в гвардию могут быть зачислены и недоросли "всякого иного достоинства по силе заслуги в том Его Императорского Величества именного Указа"⁵⁴. Таким образом, резолюция Петра I получила ясное толкование: критерием определения недоросля в армии — "годностью" и, следовательно, "знатностью" — стали считаться крепкие здоровье и хорошее физическое развитие.

Инструкция 1725 года оставалась в силе не менее 18 лет — пожалуйста известная нам ссылка на нее относится к 1743 г.⁵⁵. Однако с 1737 года о ней вспоминали нечасто: законодательство о начале службы дворянскими недорослями в 1736-37 гг. было существенно расширено и комплексно переработано. С 1725 по 1735 было издано 5 указов по разнобояному вопросу, однако все они ничего нового в горизонте зачисления недорослей на службу не引进или и либо просто засекречили существоющие нормы, либо уточнили дополнительные вопросы⁵⁶. В 1733 г. без законодательного оформления в гвардию стали набирать рекрут, что увозило возможность дворян поступать в Преображенский и Семеновский полки. Акты о сформированнии Измайловского полка и Конной гвардии⁵⁷ содержали в себе указания, "из каких чинов" набирать рядовых и унтер-офицеров, законодательно ограничивая возможность недорослей поступать в эти полки.

Инициатива нового обрачения законодательного внимания к вопросу недорослей принадлежала фельдмаршалу Миниху. Напомним, что Миних в 1730-40 гг. был крупнейшим российским деятелем в области образования. Ему принадлежит главная заслуга создания Цяляхетского кадетского корпуса, в котором он был и директором. В качестве генерал-фельдцейхмейстера в 1735-37 гг. Миних упорядочил преподавание в Артиллерийских школах, а исполнение должности директора Нэд Фортеции и инженерного корпусов, немало сделало для развития Инженерной школы. В результате, трудами Миниха в середине 1730-х гг. возникла разветвленная и хорошо организованная система военно-учебных заведений. По началу фельдмаршал не спешил расширять штаты корпусов и школ, спрятавши полагая, что "специальная порялок доброний ученик надлежит по рассмотрению нужд практических, каковые не раннею рояться, как яный [кадетский] корпус — Г.К.] в некоторое время опять устроения своего примают, и в то время приращение штату его ученик без разумности будет, поенже ради новости того дела для некоторого начального временя, покуда состоянне его в доброний порядок не учinitся, доброной для кашет учения и содержания из всем конечно не прибует"⁵⁸. К 1737 г. необходимый практический опыт был накоплен, штаты всех военно-учебных заведений расширены, и Миних, с обычной для него горячностью, взялся за осуществление своего плана, въказанного им еще в 1731 г. при основании кадетского корпуса: "как учинить, дабы все офицеры "окмо из сего корпуса выпускаемы были, а из других, которые науки в чем из имели, не которых бы в офицеры иктуются не производите"⁵⁹. К 1736-37 гг. радикализм Миниха, правда, смягчился, и фельдмаршал отказался от мысли сейчас же уничтожить все возможности производства офицеров, кроме как по выпуску из военно-учебных заведений. Однако упомянутые изменения принятия цюрихов в службу было настолько необходиимо, и Миних осуществил его, пос роям таким образом, дабы максимально стимулировать желание дворян отдавать детей в военные училища.

6 мая 1736 г. был издан указ, напоминавший цюрихству о необходимости представления недорослей на смотры, сущивший прежде жестокие казни юнчикам и их родителям и установивший первые требования в области образования: дворянки должны были быть приваты к моменту поступления на службу из сфирии в низкие чины, а их родителям грозил штраф в 100 рублей⁶⁰.

31 декабря того же года было издано манифест "О порядке в службу цяляхетских детей и увольнении от него"⁶¹. 9 февраля 1737 г. в развитие и дополнение манифеста был дан указ, устанавливший порядок смотров и определения недорослей на службу по их результатам⁶². Этими актами, авторство которых принадлежит Военной коллегии и, главным образом, ее президенту — Миниху⁶³, устанавливалась новая система зачисления недорослей на службу и устанавливались требования к образовательному уровню молодежи⁶⁴.

Заведенная Минихом система состояла следующим образом. Все недоросли, достигшие 7-летнего возраста, подлежащие постановке на государственный учет, родители должны были (под страхом отписания именений) сообщить с них губернаторам, а из губерний именные списки недорослей раз в год отправлялись в герольдинко. Сообщая о существовании своего сына, дворянин брал на себя ответственность заняться его начальным образованием (родители, которые не могли обеспечить его своим детям, обязаны были "обязывать" это губернатору). В 12 лет дети вместе с родителями являлись на смотр к губернаторам. Детей осматривал доктор, а затем как губернатор с "чинами канцелярии" экзаменовал их в знании грамоты. В ходе смотра родителям читали специальный бюллетень⁶⁵ о существующих в России учебных заведениях и предлагали отправить туда детя. В отношении хорошо развитых, а также "негравитных" детей устройством смотра наставлялись на отправление в школы первых потому, что "по уму да по живости их к восприятию учения в них толк будет"⁶⁶, в то время как родителям, не

научившие сына читать и писать, считались "... попечителями <...> худыми от пребывания при коих не польза <...> но пред и погибла юношество"⁵⁹. Прочие дети возвращались домой, причем родителям вручался листок с записью о том, почему надлежит учить недоросля дальше. В 16 лет недоросли должны были явиться на смотр в Сенат и герольдию. Снова следовало свидетельство здоровья и проверка знаний: чтение печатного и рукописного текстов, написание диктанта (причем проверялось не столько знание орографии, сколько "нисания ясное и разборчивое") и устный счет. По результатам смотра безграмотных записывали в матросы без права выслуги "выше боцмана", особенно способных "в письме и счете" определяли на гражданскую службу в коллегию юнкера, а показавших сверх программ экзамена знания в Законе Божем, иностранных языках, артиллерии и фортификации "хотя бы и немного" по их желанию направляли в старшие классы учебных заведений. Прочих отправляли ломай с очередным листком, "в коем ученики и подобающие науки прогисаны"⁶⁰. На этом же смотре освобождались от службы недоросли, определенные родителями для ведения хозяйства по силе манифеста 1736 года⁶¹. По достижении 20 лет недоросли снова являлись на смотр, в ходе которого определялись на службу: наиболее способные и образованные — на гражданскую службу или ко двору, безграмотные — похищенно в матросы (с отписанием имени и исключением из "шляхетского звания"), остальные направлялись в Военную коллегию, которая определяла "годных по силе <...> инструции прошлого 725 года"⁶² — рядовыми в гвардию, наиболее образованных — унтер-офицерами в кирасирские и пехотные полевые полки, прочих — рядовыми в армии и гарнизонные войска. Показавшие знания артиллерии и фортификации подлежали представлению лично генерал-фельдцейхмейстеру, "ко разсмотрению" которого зачислялись в артиллерии или инженерные войска, причем им мог быть ссызан чин сержанта или кондуктора.

Ниже мы разберем, как работала эта система на практике. Здесь же отметим ее безупречную гибкость, поодманность, а также некоторую "антигвардейскую" направленность. Заметим: образованным недорослям предствлялась немало возможностей начать службу так, чтобы достаточно быстро получить возможность достичь офицерского чина. Но все эти пути шли в обход гвардии —

Таблица 1.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ ДЕТЬМИ ОФИЦЕРОВ — ВЫХОДЦЕВ ИЗ НЕПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЙ, СТАВШИХ ОФИЦЕРАМИ РУССКОЙ АРМIIИ В 1725-1745 ГГ.

Поступление на службу	Нижними чинами в армию и гарнизоны		В полковые и гарнизонные школы		Нижними чинами в гвардию		В учебные заведения		ВСЕГО	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	324	52	122	20	10	1,5	29	5	485	78
Иноzemцы	97	16	21	3	9	1,5	8	1	135	22
ИТОГО	421	68	143	23	19	3	37	6	620	100

Около 1/4 детей офицеров, выслужившихся из недорослей, проходило через гарнизонные и полковые школы. Обыкновенно они заканчивали школу раньше детей низших чинов — в 13-15 лет и поступали в полки солдатами и канцеляристами. Это вызывалось в ряде случаев тем, что офицерские дети обучались более тщательно, чем солдатики⁶³, чаще же стечением родителей скорее поставить сыновей в строй, дабы обеспечить им получение жалованья и возможность карьерного роста. Здесь надо отметить, что новобранец становился полноценным солдатом только через 3-4 года после зачисления на службу, после того, как заканчивал длительный курс обучения строю, обращению с оружием, правилам службы и обмундирования. Пока новобранец числился "в рекрутах" — то есть в учащихся солдатах — он не мог получать наград и повышаться чинами. Поэтому чем раньше офицерский

сын оказывался в строю, тем скорее он мог кончить "воинское учение" и получить возможность выслуживаться в унтер-офицерские чины. Возможность рано ставить своих детей в строй была своеобразной привилегией офицеров. Военные власти тщательно следили за тем, чтобы в солдаты не попадали дети моложе 17-18 лет, и когда воинские инспекторы обнаруживали в строю подростков, то возвращали их в школы, а "тупых и ленивых" приказывали определить из солдат в денщики или барабанщики. Однако 13-15-летних солдат, чьи отцы были офицерами, инспекторы "не замечали" и, более того, аккуратно фиксировали в списках с показанием лет и происхождения. Было ли закреплено это право офицеров законодательно — неизвестно. Среди материалов Военной коллегии нами обнаружена только одна неподписанная и неозаглавленная записка — по-видимому, проект или

черновик, по стилю приближающийся к ордеру президента коллегии: "которые недоросли в полки по малым летам написаны будут в солдаты, тем быть под родителями своими в общем рекрутском ученичи"⁶⁴. Таким образом, Воинская коллегия знала о практике ранней записи офицерских детей в строй и не препятствовала

выучить сына читать и писать, а потом — записать в свой полк, где какое-то время он будет под родительским оком и покровительством и где, как уже знали отцы, возможность вырасти из рядового фузилера в лрапошики, а то и капитаны, не сказка, а реальность.

Нельзя не признать достаточно высоким количество офицерских детей, начавших свою службу с учебы в специальных училищах (6%). Таких училищ нам известно 7:

- Шляхетский кадетский корпус в Петербурге (открыт в 1731 г.);

- Академия морской гвардии в Петербурге (в 1743 г. преобразована в Морской кадетский корпус);

- Артиллерийская школа в Петербурге (образована в 1737 г. слиянием Арифметической (существовала с 1730 г.) и Чертежной (существовала с 1735 г.) артиллерийских школ);

- Артиллерийская школа в Москве (преобразована в 1731 г. из "навигацкой" школы в Сухаревской башне);

- Инженерная школа в Петербурге (в 1719 г. переведена из Москвы);

- Гимназия при Академии наук в Петербурге (образована в 1725-26 гг.);

- Кронштадтский морской госпиталь (образован в 1712 г., при нем обучали медицине).

Все эти учебные заведения поступали офицерские дети. Кроме того, нам известно 5 человек, начавших службу юнкерами (учениками) в коллегиях, и 3 человека, посланные в 1727 г. за границу для изучения фортификации и иностранных языков.

К сожалению, чрезвычайно трудно разыскать материалы о том, почему те или иные офицеры отправляли детей на учебу и как происходило поступление в учебные заведения. Нам известно, что 23 человека были зачислены в кадетский корпус, петербургские артиллерийские и инженерные школы после смотров в Герольдмейстерской кортеже. Кроме того, мы располагаем сказкой капитана Муромского пехотного полка Егора Кузьмина (его отец — поручик Иван Кузьмин: происходил из "холопов"), подданной им при переводе в 1749 г. из полка в инженерный корпус, подробно рисующей первые годы жизни и службы капитана Кузьмина (оно скончалось в 1796 г. инженер-полковником): "И в 733 году октября месяце строгое учение принял и писал букварь, а после Пасху и Часослов писал и Устав Войинский переписал семь раз весь, а так же и Экзерцицию писал семь раз всю, а по тому изволил батюшка носить мне из полковой канцелярии ордера и пароли и табели и ведомости и то все я писал немало и твердил, и батюшка при сем был мне наставник и тако бывало, что от сна меня побудил велел писать табели и ведомости на память тотчас и за всякое упущение мое, а особливы писание неувинное, чинил мне батюшка отеческие немалов наказания и через то я так науку добре взямел, что по ордеру господина полковника граничен был к батюшенню роте в писари по рождении своем 15 лет в прошлом 727 году"⁶⁵. Выучившись, сынок офицеров зачислялся в полки солдатами или канцеляристами (я основным — ротными писарями). О том, что определенное обучение дети все-таки проходили, свидетельствуют данные сказок и смотровых списков — 95% из них числились грамотными.

Офицеры-выходцы из недорослей могли записать детей и в гвардию, однако делали это крайне редко — лишь 3% офицерских детей прошли через придворные полки, причем, за исключением 4 человек, все они были детьми офицеров, служивших на момент записи детей в службу в близких к столице гарнизонах (Петербургском, Выборгском, Кюменегорском (Каменогорском), Нарвском) или расквартириванных вблизи Петербурга полках. Как нам представляется, причиной того, что в гвардию попадало мало детей офицеров из рассматриваемой группы, было не то, что среди них не находилось "годных", а прежде всего отсутствие у родителей денег и возможности послать сына в далекий Петербург. Имела место, без сомнения, и обыкновенная человеческая инертность: далекая новая столица, где живут Царицы, где двор, велиможи, море, корабли, фейерверки, заморские дворцы и блестящая гвардия, была для многих военных из низших слоев общества своеобразной полу-сказкой, которую слушали, а правда это или нет — не знали. Куда надежнее было

Как видим, в данном случае на решение офицера отправить сына в кадетский корпус повлиял совет опытного дуэта, а сам сам посугублен и, смею предположить, блестящим окончанием офицерским сыном корпуса, перенятого, сказалась протекция: инженер-подполковник К.В. фон Штенгоф был земляком основателя и шефа Шляхетского

корпуса фельдмаршала Миниха, в 1723-26 гг. служил под его началом на строительстве Ладожского канала, а после занимал должности в инженерном корпусе, о котором Миних — сам военный инженер — всегда имел особое мнение.

Вообще обращает внимание, что учиться в специальные заведения отправляли своих сыновей наиболее энергичные и "просвещенные" офицеры-выходцы не из дворян. Среднестатистический портрет отца кадета (школьника, гимназиста, юнкера) таков: чин поручика или капитана; достаточно быстрая карьера (получение последнего чина через 17-25 лет после поступления на службу); знание грамоты; нередко (около половины случаев) — владение несколькими крепостными; семьи; 2-4 сына; социальное происхождение — из купцов, полковских детей, "холопов" или "старых" иноземцев (причем достаточно мало ассилированных), значительно реже — из служилых "старых служб" и никогда из крестьян; участие в Северной и других войнах. Таким образом, наиболее дальновидными относительно судеб своих сыновей и оценившими выгоды образования являлись в основном наиболее разные и активные среди офицеров — выходцы из недорослей.

Рассмотрим, как начинали службу недоросли, чьи отцы принадлежали к потомственному дворянству от рождения (сюда же относят детей "иностраниц" и "оставленцев". Сведения об этом сведены в таблицу 2.

Таблица 2

Поступление на службу	В гвардию		В армию и гарнизоны		В учебные заведения		В полковые и гарнизонные школы		В гражданскую и природную службу		Офицерским чином в армии		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	22	2	480	49	98	10	34	3,5	10	1	63	6	707	72
Иностранные	1	—	16	2	11	1	—	—	4	0,5	82	8	114	11
Остальные	9	1	48	5	42	4	23	2,5	5	0,5	37	4	164	17
ИТОГО	32	3	544	56	151	15	57	6	19	2	182	18	985	100

В целом, пути начала службы у потомственных дворян были те же, что и у детей офицеров-выходцев из непривилегированных сословий. Подавляющее большинство дворянских недорослей начинало службу рядовыми армейских и гарнизонных полков (56%). В гвардии начало службу значительно малое количество недорослей — 3%. Однако потомственные дворяне значительно чаще, чем офицерские дети, поступали в учебные заведения: 15% дворян начали службу кадетами. Незначительное число дворян училось в гарнизонных и полковых школах — 6%. По сравнению с офицерскими детьми дети потомственных дворян имели два дополнительных пути для поступления на службу — поступление в гражданские учреждения или пажами к двору и зачисление на службу сразу офицерским чином. Рассмотрим обстоятельства поступления на службу недорослей из этой группы подробнее.

Относительно поступавших в армии и гарнизоны никакими чинами нельзя сказать ничего нового: дворянские дети зачислялись в полки в 13-18 лет и начинали службу, обыкновенно, в одной части с отцом. Требования относительно знания грамоты распространялись на дворянских детей так же, как и на офицерских. В 1733 г. генерал-инспектор Измайлов обнаружил в Санкт-Петербургском гарнизонном полку двух неграмотных недорослей — сыновей капитана Василия Понорина (шляхтич, владелец 56 душ). Оба недоросля (14 и 16 лет) были "от солдатского чину отрешены"⁷³ и посланы учить грамоту в Петербургскую гарнизонную школу, а их отец оштрафован на 3 рубля. Через два года недоросли вернулись в полк и, после удостоверения знания грамоты у поговорника, были вновь записаны в рядовые⁷⁴. Анализ смотровых списков дает нам тот же показатель, что и для офицерских детей: не менее 92% дворянских недорослей, состоявших в солдатах, были грамотны. Реалии домашнего образования дворянского сына иллюстрирует экстракт поговорного следственного разбирательства по доносу жены прапорщика Рязанского пехотного полка Ивана Колюжина

на (шияхтич, владелец 71 душ) на своего мужа в зверском избиении их сына — 13-летнего Ильи Колюжина. В результате следствия, проведенного полковым аудитором, обнаружилось, что сын был избит отцом "по объявлению полкового лекаря Антона Фрика фухтюлью [плоской стороной клинка — Г.К.] кортиковой и поленою и лозами и руками же" до потери сознания, так, что "носом и ртом и иными местами изрядное течение крови учинилось и <...> на левой руке три перста переломаны <...> везде ж язвы и поранения от коих излечения по приложении пластиры и лукопод возывает в месяц или мало большее того время". Налицо было факт истязания, однако по решению штаб-офицеров полка прапорщик был оправдан, так как свирепо избил сына за желание учиться и издавливать сына над учителем — местным приходским священником отцом Яковом, который "по кротости нрава своего от той его, Ильи, лечи и ругательством наказания чинить не смел и содителю его, Ильи, о том не сказывал". Результаты трехлетнего обучения Ильи Колюжина следствием характеризовались так: "букварь знает едва до пытры Люди и твердить не может, и молитв не знает, слов не читает, а пишет букварь до пытры Глагол неясно, и арифметике не знает ничего и не почито что учил не знает ничего ж". Можно было бы усомниться в педагогических качествах о. Якова, но материалы следствия говорят о том, что с Ильей Колюжином не справился бы и самый опытный профессор,

учебники немецкой грамматики, арифметики, геометрии, фортификации, "артиллерии, анатомии и "шпажного действа", таблицы "к танцованию минувших", "история Пфубфердорфа", 3 книги по геральдике и 25 наименований "разных книг к чтению юношества полезных" (70% всей литературы на немецком языке, кроме того — на русском, шведском и латинском языках)⁷⁵. Если России одежду учеников гарнизонных школ составляли сермяжные кафтаны, парусиновые штаны и суконные шапки с цветными кистями⁷⁶, то в Рижской школе учеников одевали в полный солдатский мундир — "кафтаны английского сукна зеленые с воротниками и обшлагами красными и желтыми <...>, камзолы английского сукна и полотняные красные <...>, штаны сукна английского и рижского и сукна особливого тонкого зеленые и красные <...>, шляпы пуховые с галуном" и т.д.⁷⁷. В обыкновенных гарнизонных школах специальных учителей не было, и ученики "твярдили науку" под руководством местного священника и 2-3 грамотных унтер-офицеров из гарнизона. Среди учителей Рижской школы числились православный священник, три пастора, три учителя немецкого, один русского и один шведского языка, два учителя арифметики, учитель "геометрии и межевого дела", учитель артиллерии и фортификации, учитель истории и геодезии, учитель "экономства", музыканты, фехтовальщики и ворвали вазды, а также 6 воспитательных наставников⁷⁸. На такой базе школьники, получали неплохих образование, чему свидетельствует и достаточно быстрая карьера выпускников школы — все они выпускались унтер-офицерами или канцеляристами, а 19 из них достигли чина подпоручика или адъютанта через 6-8 лет после выхода из школы.

Небольшое количество недорослей начинало службу при дворе или в гражданских учреждениях. Все одни — бывшие придворные начали службу пажами (камер-пажами). Их родители относились к состоятельным, но не влиятельным дворянским фамилиям. Так, будущий генерал-аншеф и основатель конной артиллерии К.Б. Бороздин был сыном проковского ландстра (владелец 233 душ) подполковника Б.И. Бороздина. В 1718 г. 10 лет от роду он был взят в пажи к двору царицы Прасковьи Федоровны по просьбе одновременного отца. Здесь его в 1720 г. заменил Петр I и повелел (сохраняя звание пажа) записать в Инженерную школу. В 1726 г. К.Б. Бороздин закончил учебу, был "отчислен из придворного звания" и начал службу сержантом артиллерии. Так, в 1730 г. он был произведен в офицерский чин подпоручика артиллерии⁷⁹. Сын армейского майора владелец 350 душ В.В. Брызкин был взят пажом ко двору принцессы Анны Леопольдовны в 1731 г., в 1733 г. произведен в камер-юнкера, а в 1735 г. из-за причастности к дворцовой интриге отдан от дворца и отправлен капитаном в Казанский гарнизон⁸⁰. Сын убитого в Северную войну подполковника И.Д. Ярлыкова (у его матери 273 душ) был в 11 лет взят пажом ко двору великого князя Натальи Алексеевны и в 1735 г. выпущен в армию прапорщиком⁸¹. Будущий генерал-майор А.С. Шепелев, геройски погибший при Цорндорфе, начал службу пажом в 12 лет в 1727 г. (его отец бригадир С.П. Шепелев, владелец 463 душ, в том же году был назначен воеводой в Иегисскую провинцию), в 1730 г. произведен в камер-пажи, а в 1735 г. произведен в капитаны и назначена в Каргопольский драгунский полк⁸². Как видим, ко двору старались пристроить своих сыновей достаточно обеспеченных дворян (придворная служба требовала расходов), которые в силу своей невлияительности, семейных или служебных обстоятельств были неспособны сами дать детям хорошее воспитание и обеспечить им супружескую перспективную карьеру начиная с службы в армии.

Начали службу в коллегиях 7 будущих офицеров: 2 русских, все 4 иностранца и 1 оставец. Все они были детьми гражданских чиновников (имевших чин не выше 8 класса) и начали службу в сидом учреждении с отцами, но затем по собственной воле перевелись в армию.

Теперь обратимся к тем, кто начинал службу сразу офицерским чином. Здесь начнем впервые придется иметь дело не только с недорослями но и со взрослыми людьми, а также обнаружить различия между русскими и немецкими языками, а кроме того Библия, Уставы воинской и морской, 17 различных сочинений античных историков, мы считаем тех, кто был записан в армию офицером, а

также тех, кто получил офицерский чин в течение первого года службы или был записан в армию (гвардию) в раннем детстве и получил чин в 16-20 лет при поступлении на действительную службу. Что касается русских дворян, то из 63 человек 11 были записаны в армию и гвардию в детстве (в возрасте от 1 дня до 8 лет); 23 были произведены в офицеры со смотров после того, как продемонстрировали хорошие знания "в потребных к воинскому делу науках"; 22 были произведены в офицеры в 1727, 1730, 1740 и 1741 гг. при воцарении новых монархов. Еще 7 человек произведены при особых или неизвестных нам обстоятельствах.

Зачастую запись малолетних детей на службу была в рассматриваемый период редкой и высокой наградой, которой могли удостоиться только самые приближенные к престолу люди. Среди записанных в первые годы жизни гвардии, армии и на флот (ставших впоследствии офицерами армии) — сыновья фельдмаршалов М.М. Голицына, В.В. Долгорукого и И.Ю. Трубецкого, родственника императрицы Анны Иоанновны генерала С.А. Салтыкова и его брата А.А. Салтыкова, близких ко двору генералов П.В. Измайлова и А.И. Ушакова⁶⁸.

Из 23 человек, получивших офицерский чин на смотре, 18 были сыновьями артиллеристов и инженеров и получили чины по артиллерии и инженерному корпусу. В данном случае знаний вполне хватило для того, чтобы дать детям образование, достаточное для получения офицерского чина. Кроме того, все эти производства приходятся на 1732-39 гг. — время господства в военных вопросах Миниха, который всегда оставался неравнодушен к специальным войскам и оказывал их офицерам особое покровительство. Остальные 5 человек, произведенные со смотров в офицеры — представители двух семей: это три брата Алябьевы (Андрей, Серафим и Тит Мартыновичи) и два брата Северинов (Петр и Александр Прохоровичи). Их отцы М.В. Алябьев и П.Ф. Северин в свое время находились среди волонтеров, посыпавшихся Петром I для обучения за границу. После обучения оба прошли классический путь петровского офицера — Северная война (с участием в основных ее сражениях на море и на суше), после 1721 г. — активное участие в гражданских войнах. Алябьев закончил службу полковником, Северин — бригадиром. По-видимому, оба они недаром провели время в "науках" и были действительно образованными людьми, а так как оба к моменту зачисления их сыновей на службу находились в "полной" отставке, жили в своих деревнях и имели достаточно крупные владения (540 душ у Алябьева, 358 у Северина), то у них было время и возможности, чтобы серьезно заняться воспитанием и обучением сыновей. Характерно, что оба отца поискались на смотрах сыновей в Петербурге.

Что касается произведенных в годы воцарения новых императриц, то здесь мы вынуждены повторяться — такой путь начала службы был привилегией сыновей и родственников влиятельных и близких ко двору дворян. Среди них встречаются фамилии Барятинских, Воронцовых, Головкиных, Долгоруковых, Измайловых, Салтыковых, Трубецких, Ушаковых, Чернышевых, Юсуповых, Ягужинских. В фондах РГВИА нам удалось обнаружить список нескольких произведенных в обер-офицерский чин при воцарении Анны Иоанновны⁶⁹. В список (подписанном самой императрицей) внесено в фамилии. Три фамилии написаны аккуратным писарским почерком после столь же аккуратно составленной преамбулы. Следующие пять фамилий вписаны четырьмя разными почерками, разными перьями и чернилами, с кляксами, ошибками и помарками. Все почерка — не писарские, весьма трудно читаемые. Глядя на эту бумагу, невольно предстаешь перед живописной сценой ее составления: видимо, в данном случае приписать своим родственникам поспешили все, через чью руку указ шел на подпись к императрице. Всобще, случай при производстве з дни воцарения и коронации играл первостепенную роль. Вот как описал свое производство в офицеры майор Тверского драгунского полка Василий Козилов (запись составлена в 1777 г., описываемая в ней события происходили 29 января 1741 г., автору записи в то время было 17 лет): "... в Санкт-петербург к смотру прибыл и в Правителствуем Синате ни было ни

капитономус и подпропорщика и сразу оказывается вахмистром. При самых удачных обстоятельствах и сильной проктации на прохождение всехunter-офицерских чинов у дворянин в рассматриваемое время обычно уходило минимум 2 года, да и то в более мужественном возрасте. И, наконец, четвертое. Штурм Перекопа был не слишком значительным боевым предприятием. Защитники крепости были настолько деморализованы решительностью русских, что покинули укрепления, когда атакующие голько спустились в ров⁷⁰. Принимая во внимание перечисленные обстоятельства, мы позволим себе предположить, что заслуги князя Василия при штурме Перекопа были несколько скромнее, чем описано в реалиях, и получение им чина врапорщиком было обусловлено не столько количеством заколотых им неприятелей, сколько благожелательным покровительством со стороны командующего — фельдмаршала Ласси, а к концу войны в 1743 г. были уже капитанами. Обстоятельства поступления на службу 11 иностранцев нам неизвестны. 24 остяцки и 56 иностранцев начали службу в российской армии сразу офицерскими чинами. Все они были взрослыми людьми, профессиональными военными, служившими до приезда в Россию в офицерских чинах в армиях других стран.

В заключение рассмотрим, как функционировала заведенная Минихом система смотров. По нашим подсчетам, из числа офицеров, получивших офицерский чин в 1737-45 гг., через смотр в Сенате и Герольдмейстерской конторе прошло 8%. Это немного, но надо учесть, что подавляющее большинство проходивших смотр недорослей в конце рассматриваемого периода было еще моложе (20-27 лет) и имело небольшие сроки выслуги в армии (1-7 лет). Если мы посчитаем на количество офицеров, произведенных в офицерский чин в 1737-45 гг. с выслугой в 1-7 лет, то увидим, что из этого числа смотр в Сенате прошло 45% — почти половина. Это говорит, с одной стороны, о том, что система зачисления на службу, введенная Минихом, не работала в полной мере — по мысли фельдмаршала через смотр должны были проходить все недоросли. Однако, если сравнить это с предшествующими временем (когда смотре тоже были обязательны, но через них проходило менее 1/8 офицеров), то мы отметим, что Миниху удалось достичь значительно большего, чем его предшественникам.

Г.В. Калашников,
ведущий специалист Государственной герольдии
при Президенте Российской Федерации

Литература:

- 1. Восинский сборник. — 1887, № 4. — С. 268-290 (далее — Н. Глинбецкий).
- 2. Полное собрание законов Российской Империи, собрание 1. — СПб., 1830, № 3265 (далее — ПСЗ).
- 3. Столетие Военного министерства. Т. 4, кн. 1, ч. 3, отд. За. — СПб., 1912. — С. 43.
- 4. Там же. — С. 24.
- 5. М.Д. Рабинович. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров русской армии в конце Северной войны /Россия в период реформ Петра I. — М., 1973. — С. 164-165.
- 6. См., например: В.О. Ключевский. Полный курс лекций по русской истории. Кл. 2. — М., 1997. — С. 521; С.Ф. Платонов. Полный курс лекций по русской истории. — СПб., 1996. — С. 412; Л.Г. Бесковский. Русская армия и флот в XVIII веке. — М., 1971. — С. 97; С.М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. — М. 1974. — С. 78; А.А. Керновский. История Русской армии. Т.1. — М., 1992. — С. 52 и др.
- 7. С.В. Волков. Русский офицерский корпус. — М., 1993. — С. 52 (далее — С.В. Волков).
- 8. А.К. Чечерин. История лейб-гвардии Измайловского полка. Т. 2. — СПб., 1884. — С. 141. См. также: П.П. Дирин. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 2. — СПб., 1883. — С. 76.
- 9. См., например: И.Н. Энкоско-Борисевич. История лейб-гвардии Измайловского полка. 1730-1880 гг. — СПб., 1883. — С. 76; А.Я. фон Брециль. Измайловская старшина. Вып. 1. — Александрия, 1921. — С. 9-12; С.М. Троицкий. Указ. соч. — С. 185-190 и др.
- 10. И.В. Анненков. История лейб-гвардии Конного полка. 1731-1848. Т.1. — СПб., 1849. — С. 14-15; С.М. Троицкий. Указ. соч. — С. 189-190.
- 11. И.В. Анненков. Указ. соч. — С. 47.
- 12. А.К. Чечерин. Указ. соч. — С. 208; П.П. Дирин. Указ. соч. — С. 82.
- 13. А.К. Чечерин. Указ. соч. — С. 209; П.П. Дирин. Указ. соч. — С. 87.
- 14. ПСЗ, № 2789.
- 15. ПСЗ, № 3006, арт. 39.
- 16. ПСЗ, № 2884, 2937, 2986, 2993, 3058, 3067 и др.
- 17. ПСЗ, Т. V, № 3263. — С. 607.
- 18. РГВИА, Ф. 2, Оп. 1, ч. 7, Д. 58, Л. 7об.
- 19. Там же.
- 20. Н.П. Миконевич. Северная война. Кампания в Финляндии. — СПб., 1908. — С. 153-156.
- 21. ПСЗ, № 3757.
- 22. ПСЗ, № 3897.
- 23. ПСЗ, № 4186.
- 24. ПСЗ, № 4349, Т. VII. — С. 119.
- 25. ПСЗ, № 4334.
- 26. ПСЗ, № 4379.
- 27. С.М. Троицкий. Указ. соч. — С. 1874. — С. 78.
- 28. Н.И. Пазленко. Петр Великий. — М., 1998. — С. 683.
- 29. РГВИА, Ф. 2, Оп. 10, ч. 7, Д. 58, Л. 143.

²⁶ Здесь нужно обратить внимание на мнение С.М. Троицкого, который полагал, что вопрос о критериях определения знатности был решен Табелью о рангах, при составлении которой Петр I лично его разработал и оформил (С.М. Троицкий. Указ. соч. - С. 96-97). Наши наблюдения показывают, что нормы Табели о рангах, касавшиеся знатности, в 1724 г. не являлись достаточными для практической деятельности государственных учреждений и требовали уточнения.

²⁷ РГВИА, ф. 2, Оп. 10, Чинопроизводство. Т. д. 59, Л. 29. Протокол Военной коллегии от 5.11.1724 "Об утверждении вопросных Его И.В. подаваемых пунктов".

²⁸ ПСЗ, № 4589, Т. 1, С. 1.

²⁹ См., например: М. Андерсон. Петр Великий. - Ростов-на-Дону, 1997. - С. 174; А.А. Керновский. Указ. соч. - С. 62 и др.

³⁰ РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 7, Д. 59, Л. 229.

³¹ РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 7, Д. 59, Л. 301.

³² РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 7, Д. 59, Л. 308. Анонимное мнение члена Военной коллегии. 20.12.1724.

³³ РГВИА, ф. 2, Оп. 1, Д. 5, Л. 217.

³⁴ Там же, Л. 3.

³⁵ Там же.

³⁶ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 79, Л. 57об.

³⁷ ПСЗ, №№ 5945, 6078, 6304, 6311, 6352.

³⁸ ПСЗ №№ 5806, 5788.

³⁹ РГВИА, ф. 47, Оп. 1, Д. 7, Л. 271.

⁴⁰ Там же. Л. 208.

⁴¹ Система зачисления недорослей на службу в 1733-36 гг. совершенно расстроилась. См. об этом, например: А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. - Киев, 1912. - С. 79-80.

⁴² ПСЗ, Т. IX, № 6949.

⁴³ ПСЗ, Т. IX, № 7142.

⁴⁴ ПСЗ, Т. X, № 7171.

⁴⁵ Принципы этой системы разрабатывался долго и тщательно - нам известно 16 последовательно составленных и тщательно обсуждённых проектов, 7 мнений генералов и офицеров по проектам, 11 протокольных записей заседаний Военной коллегии, посвященных только обсуждению готовящегося преобразования (РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 8, ДД. 117-119).

⁴⁶ Законодательство по этому вопросу подробно разбиралось С.М. Троицким, причем С.М. Троицкий особо отмечал активное подобщение этими законами образования и поступления в гражданскую службу (С.М. Троицкий. Указ. соч. - С. 272-275).

⁴⁷ РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 8, Д. 119, ЛЛ. 20-23.

⁴⁸ РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 8, Д. 119, Л. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 8, Д. 119, Л. 5.

⁵¹ Этим манифестом, кроме прочего, дворянам давалось право свободоходить сына от службы и оставлять дома для ведения хозяйствства.

⁵² РГВИА, ф. 2, Оп. 10, ч. 8, Д. 119, Л. 8об.

⁵³ ПСЗ, № 7715.

⁵⁴ ПСЗ, № 7983.

⁵⁵ По нашим наблюдениям за смотровыми списками в 16 школах имелись специальные учителя только для офицерских детей.

⁵⁶ РГВИА, ф. 2, Оп. 12, Д. 35, Л. 6.

⁵⁷ РГВИА, Ф. ВУА, д. 17769, л. 15.

⁵⁸ РГВИА, ф. 490, Оп. 3, Д. 51, Л. 19.

⁵⁹ Архив ВИМАИВИС, ф.2, Оп. ШГФ, д. 356, л. 8-10.

⁶⁰ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 29, Л. 218об.

⁶¹ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 78, Л. 75об-76.

⁶² Поручик Максим Лапин происходил из крепостных крестьян.

⁶³ РГВИА, ф. 2883, Оп. 1, Д. 28, Л. 57-61об.

⁶⁴ РГВИА, ф. 4, Оп. 1, Д. 39, Л. 17.

⁶⁵ РГАДА, Гвардьемейстерская контора, кн. 356, Л. 32.

⁶⁶ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 46, Л. 173об-174.

⁶⁷ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 137, Л. 43-44об.

⁶⁸ Список военным чинам 1-й половины XVIII столетия//Сенатский архив. Т. 7. - СПб., 1895. - С. 751.

⁶⁹ См., например: РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 40а, Л. 187. "Ведомость сколько в [Архангельской — Г.К.] гарнизонной школе есть книг..."

⁷⁰ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 7, ЛЛ. 217-226 об

⁷¹ См., например: РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 40а, Л. 189. "Ведомость сколько и какого мундира есть при [Архангельской — Г.К.] гарнизонной школе".

⁷² РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 7, ЛЛ. 223-223 об.

⁷³ РГВИА, ф. 490, Оп. 1, Д. 7, ЛЛ. 225-226 об.

⁷⁴ О. фон Фрейман. Пажи за 18 лет (1711-1895). - Фридрихсам, 1897. - С. 10

⁷⁵ Там же. - С. 14

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. - С. 16.

⁷⁸ РГАДА, Гвардьемейстерская контора, кн.451, ЛЛ. 753-767: С.М. Троицкий. Указ. соч. - С. 129.

⁷⁹ РГВИА, ф. 2, Оп. 13, Д. 78, Л. 58.

⁸⁰ РГВИА, ф. 4, Оп. 1, Д. 39, Л.23.

⁸¹ РГВИА, ф. 460, Оп.1, Д. 29, Л. 259.

⁸² А.К. Байов. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Т. 1. - СПб, 1912. - С. 261-265.

